

Приведенные данные о прямых захватах (см. стр. 23) показывают, что эта форма борьбы с мая на июнь сделала большой скачок вверх. В июне она относительно увеличилась больше чем в два раза, против мая, а) абсолютно почти в три раза, т. е. с 22 случаев в мае до 61—в июне. Общее же количество выступлений увеличилось только на 24 случая, т. е. со 105 до 129.

Это говорит о том, что содержание движения наряду с количественным ростом изменяется качественно в сторону более революционных, по существу не эсеровских форм борьбы. Крестьянское терпение иссякает, а доверие к эс-эрам исчезает. Более дальновидные из эс-эров это понимали. В июле общее собрание Козловского уездного Совета крестьянских депутатов вынуждено было вынести следующее постановление:

„Отсутствие руководящих указаний работы земельных комитетов сильно волнует население. Земельные комитеты должны знать, каковы их обязанности. Только передача всех земель в заведывание земельных комитетов может успокоить население. Земельный вопрос требует быстрого и определенного распоряжения со стороны Временного правительства¹⁾).

О наметившемся разрыве между крестьянским движением, с одной стороны, и политикой эс-эров—с другой, говорят и другие факты. Абсолютные данные о действиях комитетов показывают незначительное снижение, т. е. с 42 выступлений в мае до 41 в июне. Если же мы возьмем относительные данные, то они показывают очень большое падение. В апреле на долю комитетов приходилось 14,1% всего количества крестьянских выступлений в данном месяце, в мае—40%, а в июне—31,8%. Попытка эс-эров уложить крестьянское движение в рамки комитетских действий терпит крах.

¹⁾ „Хроника рев. событий в Тамб. губ.“, стр. 17.